

УДК: 821.161.1.09-32 Чехов А. П. ; 821.161.1'255.2=163.41

Примљено: 20. септембра 2010. године

Прихваћено: 20. октобра 2010. године

Оригинални научни рад

ПРОФ. ДР ЛАРИСА ЧОВИЋ-РАЗДОБУТКО

Универзитет у Приштини са привременим седиштем у Косовској Митровици,
Филозофски факултет, Катедра за руски језик и књижевност

О ДВУХ ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА „БЕСПОКОЙНЫЙ ГОСТЬ“ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются просторечные фразеологизмы, характеризующиеся высокой интенциональностью, свойственной сниженной лексике в целом, которые использовал А.П.Чехов в своих произведениях и их культурологические и стилистические изменения при переводе на близкородственный сербский язык.

Просторечная и разговорно-обиходная фразеология рассказов Чехова обладает ярко выраженным культурологическим ореолом, является компонентом культурной компетенции носителя языка и в рассматриваемых текстах выполняет стилиеобразующую функцию. Именно поэтому перевод фразеологизмов просторечного характера представляется особенно трудным. Вопрос сохранения колорита при переводе просторечных фразеологизмов является весьма дискуссионным. Может быть, разумнее пожертвовать той небольшой долей колорита, которая сохранилась в данной единице, и переводить нейтральным фразеологическим аналогом, чем пользоваться пословным переводом. Но в этом случае в переводе новеллы А.П. Чехова „Беспокойный гость“ претерпевает изменения не только в соотношении просторечных и нейтральных фразеологических единиц, свободных и устойчивых словосочетаний, но и весь фразеологический состав оригинала станет выхолощенным, так как именно внутренняя форма фразеологических единиц (культурная информация) отражает национально-культурный колорит. Выявление культурной информации фразеологических единиц способствует пониманию особенностей традиционной культуры и мировоззрения данного народа. Именно поэтому культурологические особенности русских просторечных фразеологических оборотов, равно как и изменения этой фразеологии подлинника в двух переводах на сербский язык и были целью настоящего исследования.

Ключевые слова: просторечие, фразеологизм, диахронический перевод, стилиеобразующая функция, культурологические изменения.

Любой перевод художественного текста – это перевод культуры одного народа, характеризующейся целым рядом реалий в другую культуру, с рядом только ей свой-

твенных реалий культуры. В процессе перевода придется пожертвовать частью культурных компонентов переводного языка и заменить их компонентами переводного языка. В конечном итоге получается креолизация двух рядов культурных компонентов. А спецификом любой культуры в языковом смысле выражен рядом фразеологизмов и паремий. Так, В.Н.Телия понимает глубинный смысл наличия фразеологии и паремии в системе любого языка как способность фразеологизмов выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива (Телия, 1993: 308). Очень часто, на исходную славянскую основу фразеологизмов надстраивались культурные слои. Из которых возникали синкретические формы, адаптированные и сохраненные во фразеологии сербского или русского языков, что, несомненно, создает определенные трудности при переводе (Мршевич- Радовић, 2008: 224).

В переводе фразеологизмов иногда нужно кое-чем пожертвовать, чтобы в конечном итоге был дан синтез двух культурных феноменов переводного и переводящего языка. Найти необходимую меру в этом процессе, что и сколько можно пожертвовать, – в этом и состоит искусство перевода.

Первый перевод рассказа А.П. Чехова „Беспокойный гость“, сделанный неизвестным переводчиком, впервые был напечатан в новисадской газете „Застава“ (Лист целокупне српске народне слободоумне странке у Новом Саду, у петак 2-3 јуна 1889, број 97; год XXIV, с. 1-2.) в 1889 году еще при жизни А.П. Чехова, который в это время был самым популярным из иностранных писателей у сербских читателей, как отмечает известный чеховед Зоран Божович (Божовић, 1985: 2,6).

Необходимо отметить, что просторечная, разговорно-обиходная лексика и фразеология рассказа Чехова «Беспокойный гость» обладают ярко выраженным культурологическим ореолом. Кроме того, она является компонентом культурной компетенции носителей языка и выполняет, в рассматриваемом тексте, стилообразующую функцию, что конечно, представляет сложность для перевода.

Объектом настоящего исследования являются просторечные фразеологизмы, характеризующиеся высокой интенциональностью, свойственной сниженной лексике в целом, которые использовал А.П.Чехов в анализируемом рассказе и их культурологические и стилистические изменения в двух переводах на близкородственный сербский язык: в первом и последнем, выполненном сто лет позже, в 1989 году Ольгой Влаткович (Чехов, 1989: 46-51).

I. Большая часть фразеологизмов в рассказе Чехова „Беспокойный гость“ относится к разговорной речи. Область применения таких фразеологизмов – бытовое общение, устная форма диалогической речи: щелкать зубами, не сводить глаз. Однако Чехов включает эти фразеологизмы в контекст с ореолом просторечности, и фразеологизмы приобретают сниженный стилистический оттенок: «- Понесла нелегкая! — думал он, воображая себе охотника, мокнущего на дожде и спотыкающегося о пни. — Небось со страху зубами щелкает!» (Чехов, 1970: 383).

Стилеобразующую функцию выполняют компоненты фразеологизма, если они принадлежат словам разговорного или просторечного стиля: „Языка в тебе, шут, нету, что ли? Что молчишь?“ (1970: 384). Часто при этом отдельные компоненты вступают в ассоциативные отношения, образуя вариантные ряды, отличающиеся друг от друга стилистической окраской. Так, варианты *косая сажень в плечах* и *в плечах косовая сажень*: первый вариант свойствен разговорной речи, а второй из-за стилистически отмеченного компонента *косовая* – просторечной. Или: просторечный фразеологизм не будет толку или добиться толку стилистически сниженный из-за глагола, переносное значение которого в сочетании с просторечно-устаревшей формой родительного падежа существительного *толк*, создает стилистически сниженный стиль – **не выйдет толку**: „Как ни наказывай, хоть *плетьюми жарь*, хоть засуди, а не **выйдет толку**. Из злого человека ничем ты зла не вышибешь.“ (1970: 381). Фразеологизм не столько называет то или иное явление действительности, **сколько оценивает его. Оценочные значения неодобрения, презрения, иронии содержатся в смысловой** структуре многих фразеологизмов в анализируемом рассказе Чехова: „*Стало быть, тебе и горя мало*, ежели бы бабу зарезали? — продолжал охотник. — **Ну, побей бог**, не знал я, что ты такой...!“ (1970: 384). Или «- **Не ровен час, заберутся сюда... Ох, грехи наши!**» (1970: 382).

Многие разговорно-просторечные обороты содержат усилительное значение, благодаря чему эмоционально-экспрессивные оттенки фразеологизмов проявляются с наибольшей силой за счет расширения компонентного состава фразеологизма: „Никакого полного права не имеешь ты с меня деньги требовать!“ (1970: 385).

Усилительное значение, особенно характерное для наречных фразеологических оборотов, легко обнаруживается при разъяснении смысла соответствующих фразеологических единиц. Например, наречный фразеологизм (*процедить*) сквозь зубы („– Э... э... *глядеть на тебя противно!* – *процедил он сквозь зубы*.“ (1970: 385) толкуется посредством словосочетания (*говорить*) невнятно, со злостью.

Разговорно-просторечные фразеологизмы могут выступать и как средство языковой автохарактеристики персонажа, и для стилизации авторской речи, воссоздавая картину живого общения.

Автор вводит в повествование фразеологизмы также, чтобы усилить экспрессивную окраску речи, например: „*Лесник сполз с печи, нацупал свечку и, зажегши ее, пошел отворять дверь. Охотник и его собака были мокры до костей. Они попали под самый крупный и густой дождь, и теперь текло с них, как с невыжатых тряпок.*“ (1970: 383); „*Артем пугливо покосился на охотника и задрыгал своей бородкой, как сорока хвостом.*“ (1970: 380). Из приведенных примеров видно, что фразеологизмы позволяют оттенить изображаемую картину, сделать ее восприятие более ярким.

Образность, эмоциональность, экспрессивность, оценочность – абсолютные выразительные свойства ФЕ – лежат в основе функционирования фразеологизмов в данном рассказе как без изменения семантики и структуры, так и с трансформацией. Ингерентное использование фразеологизмов Чеховым выполняет две основные функции: изобразительно-оценочную и изобразительно-живописующую. Фразеологические единицы, выполняющие первую функцию, дают оценку через образ, послуживший основой для создания ФЕ, что позволяет автору выразить определенное отношение к лицам, фактам и вызывать ответные эмоции у других героев рассказа или у читате-

ля: „У иногу в плечах косовая сажень, кулачище, что твой сапог, а у меня, сам видишь, какая комплекция. Меня мизинцем зашибить можно...“ (1970: 380); „... Да и худая же у тебя, брат, кошка! Одни кости да шерсть.“ (1970: 380).

При использовании фразеологизмов в изобразительно-живописующей функции, автором достигается не только образное изложение мыслей, но и большая убедительность: „... – Ночь-то, ночь какая! – пробормотал он. – Зги не видать!“ (1970: 381); „- Пойдешь, я тебя спрашиваю? – крикнул охотник, злобно тараща глаза.“ (1970: 382). „Лесник сполз с печи, нацупал свечку и, зажегши ее, пошел отворять дверь. Охотник и его собака были мокры до костей. Они попали под самый крупный и густой дождь, и теперь текло с них, как с невыжатых тряпок.“ (1970: 383).

Выразительность просторечных фразеологизмов в анализируемом рассказе реализуется в таких стилистических приемах, как

– амплификация¹ („...Валится **какой ни на есть** злодей и, **шапки не снимавши, лба не перекрестивши**, прямо на тебя лезет: „Давай, такой-сякой, хлеба!“... (1970: 380),

– антитеза („Добрых людей мало, а злодеев и душегубов **не приведи бог сколько!**“ (1970: 380),

– обобщенно-дескриптивный прием („- **Легки** твои душегубы **на помине!** – сказал охотник, бледнея и поднимаясь. -Грабят кого-то!“ (1970: 381) и

– дескриптивно-обобщенный прием («- Спаси и помилуй, царица небесная! — прерывисто вздохнул лесник. — Спаси нас от всякого врага и супостата. На прошлой неделе в Воловях Займищах один косарь другого по грудям хватил... **До смерти убил!**») (1970: 381), а также и

– фразеонабор («- **Служу** я, братец ты мой, тут в лесниках **без малого** тридцать лет, и сколько я **горя** от злых людей **натерпелся, рассказать невозможно**. Перебывало у меня тут их **видимо-невидимо**. Изба на просеке, дорога проезжая, ну и **несет их, чертей**. Валится **какой ни на есть** злодей и, **шапки не снимавши, лба не перекрестивши**, прямо на тебя лезет: „Давай, такой-сякой, хлеба!“... (1970: 379–380).

Выразительность всего контекста с использованием амплификации создается перераспределением коннотативных сем в стилистическом значении всего фразеологизма в сторону интенсификации проявления либо экспрессивности, либо эмоциональности, либо оценочности. Что касается нашего примера, то здесь налицо все три разновидности экспрессии.

Применяя прием антитезы, автор добивается резкого усиления выразительности текста при противопоставлении понятий, мыслей, образов. В противоположность амплификации, которая выделяет то различное, что заключается в семантике синонимичных лексем и ФЕ, антитеза подчеркивает то общее, что содержат в себе противоположные слова и фразеологизмы.

Обобщенно-дескриптивный и дескриптивно-обобщенный приемы тесно связаны с понятием образности. Сущность подобных приемов заключается в том, что фразео-

¹ Амплификация – увеличение, расширение. В повествовательном стиле – это увеличение, разграничение и обширное изложение какой-либо мысли или фразы. (*Энциклопедијски рјечник лингвистичких назива*, 1969: 60)

логическая единица выносится в начало или конец СФЕ (сверхфразовое единство), а последующий или предварительный текст раскрывает микрообраз, заключенный во фразеологизме. В основном это служит для обобщающей характеристики ситуации. В этих случаях наблюдается перераспределение коннотативных сем в сторону усиления оценочности. При использовании стилового контраста, как правило, придается ироническое звучание всему контексту.

При фразеонаборе насыщенность фразеологическими единицами небольшого контекста имеет целью более детально и со всех сторон описать события или характеры людей. Каждый фразеологизм в этом случае реализует свой набор коннотативных сем.

Фразеологические единицы в языке рассказа Антона Чехова выполняют важную эстетическую функцию и включенные в специально организованный контекст, служат двум основным функциям просторечного стиля - быть **средством языковой характеристики персонажей** и **стилизацией авторской речи (сниженные фразеологизмы воссоздают картину живого общения)**. При этом автор соотносит сферу распространения фразеологизмов с социальной принадлежностью персонажа, его характером, общим уровнем культуры. А также писатель использовал фразеологические обороты как средство выражения несоответствий между внешним и внутренним миром человека, а также для оживления авторской речи и речи персонажей.

II. Что касается перевода этого рассказа на сербский язык, то следует отметить, что первый перевод, который был опубликован в новисадской газете «Застава» неизвестным переводчиком в 1889 году, мог бы быть лучше. В переводе пропущены слова, словосочетания, фразеологизмы, важные части предложений, имеющие культурологический ореол, отражающие русскую ментальность, русские обычаи, стереотипное русское речевое поведение.

Вопрос сохранения колорита при переводе просторечных фразеологизмов является весьма дискуссионным. Первый переводчик в большинстве случаев жертвует той небольшой долей колорита, которая имеется в данной фразеологической единице и не переводит фразеологическим аналогом: Разговорные фразеологические сочетания **на-терпеться горя** заменено нейтральным глаголом *напатите се, пребывало их (людей) видимо-невидимо* (1970: 379) – на *бивало их код мене свакојаких, а в плечах косовая сажень* – на јаки људи.

Кроме того, устойчивая разговорная конструкция *без малого 30 лет*, имеющая значение „около 30 лет“ переведена неправильно – *већ је 30 година*, как и русский крик о помощи „Караул!“ переведен как „Стража!“ (1889:1) (а нужно было перевести *Упомоћ*): Но рванул ветер по крыше, застучал по бумаге на окне и донес явственный крик: „Караул!“ (1970: 381) – Ветер је дувао преко крова, лупао по прозору и донео узвик „стража“. Ошибочно переведено и устойчивое сочетание **Бог с ним**, что значит „баи ми брига“ в переводе: „*С ним је Бог!*“ (1889:1), как и фразеологизм **убить до смерти** в переводе – *сртно га је ранио* (самый близкий функционально- смысловый эквивалент в сербском языке: *убио га начисто*).

Что касается фразеологизмов **жарить плетями** (бить плетями, наказывать) и **не выйдет толку**, то первый переводчик вообще предложил нам сочинение на свободную тему. Сравни: „Как ни наказывай, хоть **плетями жарь**, хоть засуди, а **не выйдет**

толку. Из злого человека ничем ты зла не вышибешь.“ (1970: 381) - „Из неваљалога човека не може се никаквим начином неваљалство искоренити“ (1889:1). Или „Мала је казна, што их вешају! Некад су губернатори такe несретнике жигосали!“ (1889:1), вместо – „В прежние времена таких шельмов губернаторы через палачей наказывали“ (1970: 381).

Есть у первого переводчика и удачные решения: адекватный перевод фразеологизма *зги не видно* – как *не видевши прста пред собом*, но и в этом случае, к сожалению, исчезли культурологические коннотации. Любопытный носитель русского языка ощущает устаревший характер этого фразеологизма².

Таких грубых ошибок в переводе Ольги Влаткович нет, за исключением перевода нескольких устойчивых словочетаний, таких как *Ох, грехи наши* и *убить до смерти*. *Ох, грехи наши* Влаткович перевела дословно, также как и первый переводчик: „*Ох, грехи наши*“ (1989: 409), а нужно было перевести: *Баши смо грешни, Грешина нам душа* или *Где ће нам душа*. А фразеологизм *убить до смерти* перевела как *смртно га је ранио* (а нужно было: *начисто га убио*).

Однако, пытаясь сохранить стиль оригинала, оба переводчика иногда включают просторечные фразеологизмы вместо нейтральных в оригинале (например, вместо *дорога проезжая* – употребляет фразеологическое сочетание *путь нанесе*), правда при этом несколько меняется и смысл предложения, и его стилистическую окраску, выбросив традиционный обсценцизм *черти*: *Изба на просеке, дорога проезжая, ну и несет их чертей*. – *Колиба је на ударцу, на их и путь нанесе овамо* (1889:1).

Кроме того, традиционный слой просторечия, включающий социализованные „простонародные“ обращения *братец ты мой, такой-сякой, черти, идол, скот, свинья, шут, сволочь*, выхолощен: или обращения пропущены, или заменены сербским разговорным обращением *човече*. Однако переводчик всеми силами пытается сохранить просторечный стиль рассказа и русские элементы просторечия (перестановка звуков *ведмед*, просторечные частицы *чай*, употребление деепричастий на -вши и -вши *выпивши, снимавши, перекрестивши*, грубые просторечные экспрессивы *нажрется, развалится*, усеченная форма глаголов *трах, кажись, слышь*, просторечные вставки, эпитеты *забижает*, традиционноподобные номинации *куды, впотьмах, ежели, теперя*) заменяет в нескольких местах, где это возможно, сербскими: *артија*, вместо *картија, кол'ко* – вместо *колько, хайдмо* – вместо *хайдмо, нек* – вместо *нека, откуда* – вместо *откуда, дрктао* – вместо *дрхтао, хайд* – вместо *хайде, волијем и не спавати* – *болье*.

Таким образом, в первом переводе претерпевает изменения не только соотношение просторечных и нейтральных фразеологических единиц, свободных и устойчивых словосочетаний, но и весь фразеологический состав оригинала, который часто становится обедненным, выхолощенным, даже нейтральным, так как именно внутренняя форма фразеологических единиц (культурная информация) отражает национально-

² «Ни зги не видно» — — — так образно мы можем сказать о густой, непроглядной темноте. О происхождении слова *зга* спорят до сих пор. Одни считают, что «зга» — — — название металлического колечка на дуге лошади и что, говоря «ни зги не видно», русские люди хотели сказать: так темно, что не видно даже этого колечка. Другие утверждают, и более доказательно, что «зга» — — — это не что иное, как претерпевшее ряд изменений слово «стыга», то есть дорога, тропа. Ср.: Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 244–246.

культурный колорит. Из свыше сорока фразеологизмов оригинала в первом переводе имеется около десяти (*срушити малим прстом* („Мене можеш и *малим прстом срушити*“ (1889:1)); *нанесе пут* („Колеба је на ударцу, па их је код мене и *пут нанесе* овамо“ (1889:1)); *не видети прст пред собом* („Страшна је то ноћ! промрља. – *Не видиш ни прста пред собом*“ (1889:1)); *кожа и кост* („Ала ти је брате јадна мачка. Сама *кожа и кост*“ (1889:1)), *мокар до коже* („Ловац и његово псето били су *до коже мокри* (1889:1)“); *последњи човек* (« – Ти си пред мојим очима подлац и последњи човек!» (1889:2)), *зло би по тебе било* (« – *Зло би по тебе било* да су бабу убили, настави ловац.» (1889:2)); *чист посао* („Код вас тамо *није чист посао*“ (1889:1), в то время как в другом – в два с половиной раза больше (*нема ти спаса* (1989: 46), *ни описати се не може* (1989: 46), *не бојати се ни Бога ни ђавола* (1989: 47), *ни пет ни шест* (1989: 47), *оборити малим прстом* (1989: 47), *бацати поглед* (1989: 47), *пред Богом одговарати* (1989: 47), *ни сам Бог не зна колико је* (1989: 47), *кост и кожа* (1989: 47), *нема вајде* (1989: 48), *убити на месту* (1989: 48), *Бог свети зна* (1989: 48), *ти о разбојницима, а они на врата* (1989: 48), *прст пред оком се не види* (1989: 48), *мрки мрак* (с. 48), *нек му Бог на помоћ* (1989: 49), *нека га Бог чува* (1989: 49), *тако ти Бога* (1989: 49), *тражити ђавола* (1989: 50), *цвотати зубима* (1989: 50), *мокар до голе коже* (1989: 50), *баш брига* (с.51), *Бог ме убио*(с.51), *носио те ђаво* (с.51), *Бог све види* (1989: 51), *не могу да те смислим* (1989: 51), *кроз зубе* (1989: 51).

Изменения в составе фразеологического корпуса перевода привели к неизбежным культурологическим и семантическим сдвигам, даже до исчезновения культурного слоя информации, который находится в просторечных устойчивых словосочетаниях. Так, фразеологический состав этого рассказа, отражающий менталитет простого русского народа (веру в Бога), представляющий имплицитный культурный слой рассказа и составляющий его основу, изменен до неузнаваемости в первом переводе, что нельзя сказать о втором. Сравните:

1. „Ввалится *какой ни на есть* злодей и, *шапки не снимавши, лба не перекрестивши*, прямо на тебя лезет: «Давай, такой-сякой, хлеба!»“ (1970:380). – В первом переводе: „Каквих ти ту *није било, не скидају ни капу и не прекрсте се*, само иду на тебе: „дај ми хлеба!“ (Легко заметить замену ФЕ свободными словосочетаниями, пропущены отдельные слова с ярко выраженной экспрессивно-эмоциональной окраской – *злодей, такой-сякой*). – Во втором: „Упадне тако некакав зликовац, па нит' капу скине, нит' се прекрсти, већ право насрне на тебе: „Дај хлеба“, *оваки-онаки*!“ (1989: 46). (Выражение „оваки-онаки“ во втором переводе является буквальным переводом русского „такой-сякой“, содержащего негативную оценку тому, кому предназначен. Самый близкий функционально-смысловый эквивалент был бы „*никоговићу*“).

2. „За эти самые слова ты *перед богом ответчик*. Ты сам из каких будешь? Откуда?“ (1970: 380). В первом переводе: „За те ћеш речи *пред богом одговарати*. А откуда ти!“ – Во втором – аналогично: „*За такве речи ћеш пред богом одговарати*.“ (1989: 47). Существительное *ответчик* в оригинале имеет стилистически маркирован суффикс *-чик*, а глагол *одговарати (пред богом)*, стилистически не маркирован. По-видимому, эквивалентом будет выражение „*бог ће те казнити*“ или „*божја казна ће те стићи*“.

3. „*Ох, грехи наши тяжкие!* — зевнул Артем. — Беда-а! Добрых людей мало, а злодеев и душегубов *не приведи бог сколько!*“ (1970: 380). В первом переводе: «– Ох, *тешки су наши греси*, уздахне Артем. – Несрећа! Добрих људи мало, а неваљалих, *сачувај нас боже*, колико их има» (Изменен порядок слов в предложении, который соответствует просторечному стилю). – Во втором: «*Тешки су наши греси!* – зевну Артем.- Мука је то! Добрих људи мало, а зликоваца и убица *ни сам Бог не зна колико је*» (1989: 47). Сербский эквивалент у обоих переводчиков идентичен: „*Ох, грехи наши тяжкие!*“ Но он не в духе сербского языка. Лучше звучит: *Баш смо грешни пред богом и људима (да не можемо бити грешнију)!*

4. „Стало быть, не только людей, но даже *бога не боятся!* Грабитель *божьи добро!*“ (1970: 381). – В первом переводе: „Хајд, што се не боје људи, ал зар *се не боје бога*. Красти што је божије!“ – Во втором: „Па они као да се *не боје ни бога ни људи!* Пљачкају божју имовину!“ (1989: 48). Оба переводчика не перевели стилистически окрашенное модальное слово „стало быть“ (срб. „елем“).

5. „Пристал, *ей-богу!* — поморщился лесник“. (1970: 382).- В первом переводе: «- Нек му *бог помогне!* промрмља шумар». (1889: 1) (Переведено неправильно!). – Во втором: «-Шта си навалио, *тако ти Бога!*» (1989: 49). (Можно согласиться с таким вариантом перевода!).

6. «– *Свят, свят, свят...*— шепнул лесник, спеша просунуть толстый засов в ближайшие железные петли. — Экую погоду *бог послал!*» (1970: 383). В первом переводе: «– О боже, промрља шумар и закључа врата.- Каква страшна непогода!». – Во втором: «- *Боже помози, Боже помози...* прошапута шумар, хитајући да провуче дебели засун кроз велику гвоздену резу.- Какву је непогоду *Бог послао!*» (1989: 50). Следует отметить, что единственный случай, когда первый переводчик нашел близкий функционально-смысловый эквивалент, это перевод предложения *Экую погоду бог послал!* – как „*Каква страшна непогода!*“ (1889: 1). В то время, как второй переводчик Ольга Влаткович перевела буквально: „Ово време *Бог је послао!*“.

7. «- *Спаси и помилуй, царица небесная!* — прерывисто вздохнул лесник. — *Спаси нас от всякого врага и супостата!*» (1970: 381). – В первом переводе: „Смилуј се, небесни оче! уздане шумар. – Спаси нас од непријатеља!“ – Во втором: *Спаси и помилуј, мајко божјија!* – испрекидано уздахну шумар. – *Спаси нас од сваког непријатеља и злотвора!* (1989: 48). Что касается первого перевода, то следует сказать, что выражение *небесни оче* не может быть эквивалентом для русского восклицания *царица небесная!*

8. „После страшных разговоров я теперь и шага не ступну впотьмах. *Бог с ним совсем!* И чего я там в лесу не видал?“ (1970: 382).- В первом переводе: „После тако страшног разговора; ни корака нећу крочити у помрачину“ (Последних два предложения вообще не переведено: *Бог с ним совсем!* И чего я там в лесу не видал?) . – Во втором: „После оних страшних прича, ја ти сад не смем ни крочити у помрачину. *Нека га Бог чува!* И шта ја имам да тражим тамо у шуми“ (1889: 49). („*Нека га бог чува!*“ не является эквивалентом выражения *Бог с ним совсем*. (Сербский эквивалент - „*Баш ме брига за њега!*“).

9. «- *Не ровен час*, заберутся сюда... *Ох, грехи наши!*» (1970: 382) в первом переводе: «– Ноћ је, може се ко увући унутра...*Ох, греси наши!*» – Во втором: „Ко зна, могу

часом банути. *Ох, греси наши!*“ (1889: 49). (А нужно перевести как: „*Изнебуха, могу очас да бану!*“ Могу часом банути!)(*iznebuha očas da banu - - zvuči pleonastično!*).

Таким образом, выявление культурной информации фразеологических единиц способствует пониманию особенностей традиционной культуры и мировоззрения. Именно поэтому, культурологические изменения фразеологических оборотов перевода, равно как и изменения фразеологии подлинника в переводе и были целью настоящего исследования. Что касается последнего перевода Ольги Влаткович, то он значительно лучше первого, хотя, наверное, мог быть и лучше.

ЛИТЕРАТУРА

- Мршевич-Радовић, Драгана. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Београд: Друштво за српски језик: 224.
- Телия, В. Н. 1993. *Культурно-национальные коннотации фразеологизмов*. В *Славянское языкознание. XI международный съезд славистов*. Москва: 308.
- Фразеологический словарь русского языка*. 1978. Под редакцией А. И. Молоткова. Москва: Русский язык.
- Божовић, Зоран. 1985. *Чехов као драмски писац код Срба*. Београд: 2, 6.
- Чехов, А. П. 1970. *Беспокойный гость*, у *А.П. Чехов. Собрание сочинений в восьми томах*. Москва: Библиотека „Огонек“. Издательство „Правда“. 2: 379–385.
- Чехов, Антон. 1989. „*Немирни гост*“. Превела причу Олга Влатковић, у *Сабрана дела*. 46-51. Београд: Југославијапублик.
- Чехов, А. П. 1889. „*Немирни гост*“. *Застава. Лист целокупне српске народне слободоумне странке у Новом Саду* 97; год XXIV:1-2.
- Симеон, Рикард. 1969. *Енциклопедијски рјечник лингвистичких назива*. Загреб: Матица Хрватска: 60.
- Бирих, А., Мокиенко, В.М., Степанова, Л. И. 2005. *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*. Москва: Астрель, АСТ, Люкс: 244–246.

ПРОФ. ДР ЛАРИСА ЧОВИЋ-РАЗДОБУТКО

Универзитет у Приштини са привременим

седиштем у Косовској Митровици,

Филозофски факултет, Катедра за руски језик и књижевност

О ДВА ПРЕВОДА НОВЕЛЕ А.П. ЧЕХОВА „НЕМИРНИ ГОСТ“ НА СРПСКИ ЈЕЗИК У ДИЈАХРОНИЈСКОЈ ПЕРСПЕКТИВИ

Резиме

Два су основна циља овог истраживања: с једне стране, анализа руских народских језичких идиома који се одликују богатим спектром интенционалних нијанси значења, а доминантан је

слој у новели А.П. Чехова „Немирни гост“, што се и очекивало с обзиром на тему и јунаке из сеоске забити, и, са друге, питање културолошких померања и стилистичких промена приликом превођења на генетски близак српски језик, и то: у првом преводу ове новеле из 1889. године и оном реализованом игром случаја равно сто година касније

После детаљне анализе два превода, која дели сто година, дошло се до закључка да је свеукупан фразеолошки инвентар оригинала, посебно онај народски, у првом преводу из 1889. у знатној мери осиромашен (било да је замењиван неутралним слојем, било да је изостављен или пак погрешно преведен); у другом – у мањој мери, али је то ипак било недовољно да и овај превод у целини понесе епитет сасвим успешног. А управо та унутрашња слика народских фразеолошких јединица (културна информација) одражава национално-културни спецификум сваког народа, па и руског. Наравно да и у најбољим преводима руске прозе долази неизоставно до културолошког померања, али је циљ успешног превода да то сведе на што је могуће мању меру.

Кључне речи: ниски стил, фразеологизам, дијакхронијски превод, стилотворна функција, културолошка померања.